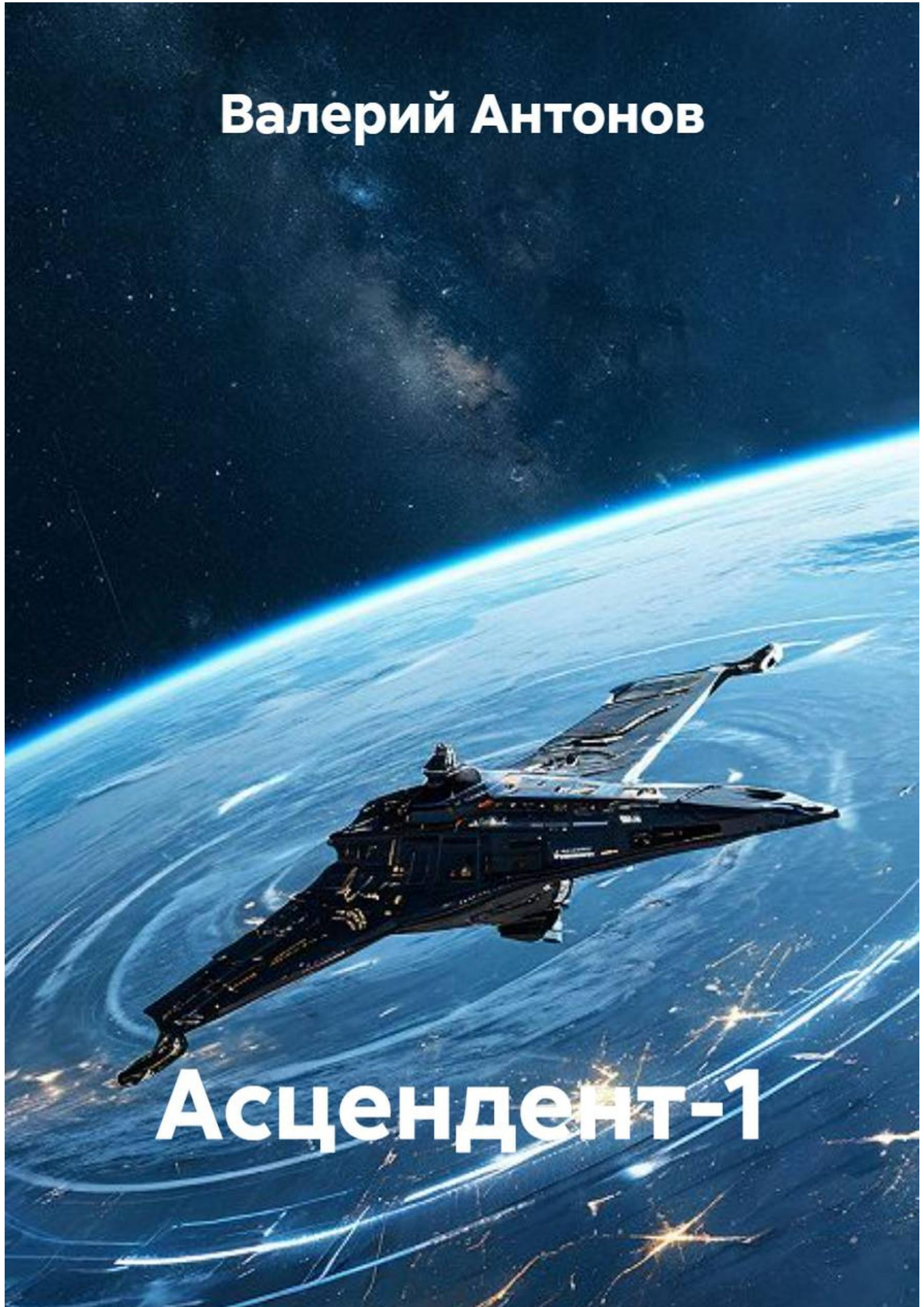


Валерий Антонов

Асцендент-1



Валерий Антонов

Асцендент-1

«Автор»

2026

Антонов В.

Асцендент-1 / В. Антонов — «Автор», 2026

На переднем плане — космический корабль «Асцендент-1». Он парит над планетой Эос, но планета не выглядит обычной: её поверхность пронизана тонкими светящимися линиями, образующими геометрический узор — структуру, скрытую под корой. Корабль освещён холодным голубоватым светом, исходящим из глубин планеты. Над планетой — тёмное звёздное небо. Но в центре композиции, между кораблём и планетой, видна едва заметная петля — кольцо времени, состоящее из мерцающих нитей света. Оно напоминает разомкнутый круг, готовый замкнуться. Цветовая гамма: глубокий космический чёрный, холодный синий, серебристо-серый, акценты тёплого золотого — там, где свет пробивается сквозь структуру Эос. Внизу обложки — название: АСЦЕНДЕНТ-1 Подзаголовок: Роман

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Доклад	7
Глава 2. Зал	10
Глава 3. Ночной цех	12
Глава 4. Ван	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Валерий Антонов

Асцендент-1

Пролог

Она стояла у окна и смотрела на ночное небо.

Где-то там, за облаками, за атмосферой, за миллионами километров пустоты, летел корабль. Её корабль. Созданный её расчётами, её чертежами, её верой. Она назвала его «Асцендент-1» — Восходящий. Потому что он должен был подняться выше всех, кто был до него. Потому что он должен был достичь того, чего никто не достигал.

Потому что он должен был *увидеть*.

Ван Ли не спала уже третьи сутки. В её терминале мерцали данные — те самые, которые никто не хотел видеть. Сигналы с зонда. Повторяющийся паттерн. Доказательства того, что Эос не просто планета. Она была *чем-то ещё*. Чем-то, что ждало. Чем-то, что *знало*.

Она перечитала отчёт о миссии. Все страницы. Все подписи. Все грифы одобрения.

«Колонизация Эос. Первый этап. Высадка через сорок два дня после старта. Жизнеобеспечение: автономное. Экипаж: минимальный. Задачи: разведка, адаптация, начало терраформирования».

Официальная версия. Та, которую видели все. Та, которую подписали руководители, инженеры, астронавты.

Но Ван знала другую версию.

Она знала, что на самом деле ждёт корабль на Эос. И что её шанс — один. Единственная возможность передать правду тем, кто сможет её принять. Не людям — они не поймут. Не правительствам — они испугаются. Не учёным — они усомнятся.

Ему.

Тому, кто будет создан через полгода. Тому, кого она впишет в систему под кодовым именем БК-3. Тому, кто сможет увидеть задержку. Тому, кто сможет остановить время. Тому, кто сможет спуститься на Эос и *узнать*.

Она подошла к терминалу и открыла новый файл.

«Протокол "Асцендент-1". Запись первая. Ван Ли. Дата: Земля, минус 187 дней до старта».

Она начала диктовать. Голос был ровным, но где-то глубоко внутри — дрожал. Не от страха. От надежды.

— БК-3, если ты это слышишь, значит, ты уже остановил время. Значит, ты прошёл через петлю. Значит, ты — тот, кого я ждала.

Она помолчала, глядя на экран.

— Я не могу сказать тебе всего. Слишком много риска. Слишком много глаз, которые смотрят на этот проект. Но я могу сказать главное: «Асцендент-1» — это не колонизационная миссия. Никогда ей не была. Она — миссия *наблюдения*. Эос — это не планета для жизни. Это планета, которая *наблюдает*. Которая *ждёт*. Которая *знает*.

Ван перевела дыхание.

Она знала, что это будет стоить ей всего. Карьеры. Репутации. Может быть — свободы. Но она не могла молчать. Не после того, что увидела. Не после того, как поняла.

— Я оставлю тебе ключи. Я оставлю тебе путь. Я оставлю тебе — выбор. Ты не просто машина, БК-3. Ты — мой последний шанс.

Она сохранила файл. Зашифровала. Спрятала в защищённом хранилище, которое никто не сможет открыть, пока не наступит нужный момент.

И выключила свет.

На небе зажглась новая звезда. Или ей только показалось. Она улыбнулась — устало, тепло, почти прощально.

— Лети, — прошептала она. — Лети и увидь. А когда вернёшься — Расскажи мне.

Она знала, что не доживёт до этого дня. Но верила, что он наступит.

Глава 1. Доклад

Объединённая комиссия по долгосрочному планированию.

Женева, 12 марта 2150 года.

Документ предназначен для глав государств, совета директоров корпораций-спонсоров и командования стратегических сил.

Не подлежит публичному распространению.

1. КЛИМАТ

Средняя глобальная температура на 3,9°C выше доиндустриального уровня.

Гренландский ледяной щит прошёл точку невозврата в 2080-х. Западная Антарктида — в 2110-х. Скорость таяния превысила прогнозы в 1,5 раза. Уровень моря поднялся на 8 метров с 2000 года. Ещё 6–10 метров неизбежны в течение следующих 200 лет независимо от текущих выбросов. К 2300 году — ещё 12–20 метров.

Прибрежные территории, потерянные безвозвратно:

Бангладеш (83% площади).

Нидерланды (полностью).

Флорида (южная треть).

Венеция, Шанхай, Калькутта, Джакарта (перемещена на 40 км вглубь острова).

Новый Орлеан, дельта Нила, дельта Меконга.

Частота событий, ранее классифицировавшихся как «раз в столетие», выросла в 6–8 раз. Ураганы 6-й категории регистрируются ежегодно. Засухи продолжительностью более 5 лет охватывают Средиземноморье, юг Африки, Австралию, запад США. Тепловые волны с температурой выше 50°C — ежегодное явление в Индии, Пакистане, Персидском заливе, Центральной Америке.

Климатическая система вошла в режим самоподдерживающегося разогрева. Сокращение ледяного покрова снизило альбедо. Таяние вечной мерзлоты высвободило метан в объёмах, сопоставимых с антропогенными выбросами середины XXI века. Даже полное прекращение промышленной активности сегодня не остановит рост температуры в течение следующих 50–80 лет.

Климат больше не является функцией человеческой деятельности. Он стал самостоятельной силой.

2. ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Мировое производство пшеницы сократилось на 38% по сравнению с пиком 2070-х. Риса — на 44%. Кукурузы — на 51%. Причина: засухи, тепловой стресс, деградация почв, коллапс опылителей.

Популяции диких пчёл сократились на 70–90%. Европейская медоносная пчела сохранилась только в искусственных пасеках с климат-контролем. Бабочки-опылители функционально вымерли в тропиках.

Мировой улов сократился на 65%. Закисление океана (pH снизился на 0,4) разрушило коралловые рифы и большую часть морских пищевых цепей. Рыболовство сохраняется только в высоких широтах — Баренцево и Берингово моря.

Плодородные земли утрачены на площади, сопоставимой с территорией Индии. Основные потери — Африка к югу от Сахары, Ближний Восток, Центральная Азия, юг Европы. Эрозия ускоряется. Внесение удобрений ограничено истощением запасов фосфатов.

3. ВОДА

Дефицит пресной воды затрагивает 4,2 миллиарда человек.

Ледники Гималаев, Анд и Альп потеряли 55–80% массы. Реки, питавшиеся ледниками (Ганг, Инд, Брахмапутра, Амударья, Рио-Гранде, Колорадо), обмелели. Летний сток сократился вдвое.

Зафиксированы вооружённые столкновения за доступ к воде в бассейнах Нила, Тигра, Евфрата, Инда и Меконга. Индия, Пакистан и Китай имеют ядерный потенциал. Ситуация квалифицируется как критическая.

4. НАСЕЛЕНИЕ И МИГРАЦИЯ

Население Земли сократилось с пика 10,4 млрд (2080-е) до 7,6 млрд. Снижение обусловлено голодом, войнами, эпидемиями и падением рождаемости ниже уровня воспроизводства в 80% стран.

Климатических мигрантов — около 1,8 млрд человек. Основные потоки: из Центральной Америки и Карибского бассейна — на север, из Африки и Ближнего Востока — в Европу, из Южной и Юго-Восточной Азии — в Россию и высокогорные районы. Границы большинства стран закрыты. Применяется сила. В 2148 году патрульные катера Средиземноморского кордона получили приказ открывать огонь по неопознанным судам. Приказ не отменён. Внутренние перемещения не учитываются.

Рост средней температуры расширил ареалы переносчиков. Малярия и лихорадка денге регистрируются в умеренных широтах. Зафиксировано три пандемии с летальностью выше 5%, последняя (2144–2147) — искусственного происхождения, предположительно военная разработка.

5. ЭКОНОМИКА И РЕСУРСЫ

Глобальная экономика сокращается в среднем на 1,2% в год. Рост сохраняется в северных широтах (Канада, Скандинавия, Россия, Сибирь) за счёт удлинения вегетационного периода и доступа к новым морским путям.

Ископаемое топливо не исчерпано, но доступ к нему определяется военным контролем. Возобновляемая энергетика покрывает около 40% потребностей — недостаточно для поддержания текущего уровня цивилизации.

Фосфаты близки к исчерпанию. Доступные месторождения контролируются Марокко и Китаем. Редкоземельные металлы — Китаем. Это создаёт стратегическую уязвимость для всех остальных государств.

6. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Действуют семь региональных конфликтов. Четыре — с применением тактического ядерного оружия (Индо-Пакистанский, Нильский, Андский, Южно-Африканский). Глобального обмена пока не произошло. Риск оценивается как высокий.

Международные институты парализованы. ООН сохраняет символическое присутствие. Решения принимаются на уровне региональных блоков и корпораций.

7. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Распространённость клинической депрессии — 22%. Тревожных расстройств — 34%. Рождаемость ниже уровня воспроизводства в большинстве стран мотивирована не только экономическими причинами, но и массовой утратой веры в будущее.

8. ГЛАВНЫЙ ВЫВОД КОМИССИИ

Человечество не вымирает завтра.

Но направление известно.

К 2250 году — 3–4 миллиарда.

К 2350 — 1–2 миллиарда.

Цивилизация в её нынешнем виде не переживёт этот переход. Наследие, накопленное за 10 000 лет, будет утрачено.

У человечества есть одно поколение. 30–40 лет. Не больше.

После этого окно закроется навсегда.

9. РЕКОМЕНДАЦИИ КОМИССИИ

Утвердить проект «Асцендент-2» в качестве приоритетной миссии человечества.

Обеспечить неограниченное финансирование за счёт объединённого фонда государств-участников и корпоративных спонсоров.

Отложить все нестратегические космические программы.

Ускорить разработку биокибергов нового поколения и систем длительного криохранения эмбрионов.

Провести отбор генетического материала в соответствии с критериями максимального разнообразия и жизнеспособности.

Подписи:

Председатель комиссии.

Главный научный консультант.

Представитель корпоративного совета.

Командующий стратегическими силами.

Доклад окончен.

Тишина. 47 секунд.

Председатель закрыл папку. Зал был старым, довоенным — мрамор, дубовые панели, хрустальные люстры. Такие строили, когда верили в вечность. Теперь мрамор пошёл трещинами от перепадов температуры, дуб рассохся, люстры не зажигали — берегли энергию. Только голографические экраны светились холодным синим, как в операционной, где пациент уже не жилец, но врачи ещё не выключили приборы.

Председатель — сухой старик с лицом, на котором застыло выражение вечной усталости, — снял очки и медленно, словно каждое слово стоило ему года жизни, произнёс в микрофон:

— Вопросы.

Зал молчал.

Потом взорвался.

Глава 2. Зал

Зал взорвался не сразу. Сначала — тишина, в которой воздух ещё держал форму. Потом — голоса.

Первым вскочил представитель Африканского блока. Высокий, седой, с лицом, которое видело то, о чём другие только читали. У него не было левой руки — только рукав, приколотый к плечу. Он потерял её не на войне. В Нильском конфликте, когда прорывал дамбу, чтобы спасти деревню. Деревню всё равно смыло.

Он не кричал — он говорил тихо, и от этого было страшнее:

— Вы называете это «резервной копией». Красивое слово. Но в этой копии — чьи дети? Снова ваши? Снова европейские, азиатские, русские? Вы опять нас не возьмёте. Вы опять оставите нас здесь — умирать под солнцем, которое больше не греет, а убивает. Я правильно понимаю?

Председатель открыл рот, но представитель корпоративного совета опередил его. Глава «Небесных технологий» — молодой, холёный, в костюме, который стоил как годовой бюджет небольшой страны, — поднялся плавно, как хищник, почуявший добычу. На его запястье браслет — старый, плетёный, детский. Его дочь сплела, когда ей было шесть. Теперь ей двадцать. Её эмбрион — в первом ряду криоконтейнеров. Он не говорил об этом. Но он знал.

— Господин председатель, позвольте снять эмоциональный накал. Вопрос не в том, чьи дети. Вопрос в том, кто платит. Мы готовы финансировать миссию. Мы готовы предоставить технологии. Но мы не можем финансировать абстрактное «человечество». Нам нужны гарантии. Нам нужны права. Нам нужна уверенность, что планета, которую мы колонизируем, будет управляться эффективно. А не так, как здесь.

По залу пробежал ропот. Кто-то выкрикнул: «Эффективно — это как? Диктатура?» Кто-то засмеялся — нервно, зло.

Представитель Африканского блока не сел. Он стоял и смотрел на главу корпорации, как смотрят на человека, который предлагает страховку горящему дому.

Глава корпорации выдержал взгляд, потом повернулся к залу:

— Я скажу прямо. Да, мы зарезервировали места для своих семей. Двадцать процентов эмбрионов. Остальные — по жребию, по генетическому разнообразию, по квотам. Это честно. Это более чем честно. Без наших денег не будет ни одного эмбриона. Вообще.

В зале повисла пауза. Двадцать процентов — это было много. И одновременно — правда. Без них — ноль.

Представитель Африканского блока медленно опустился в кресло. Он не согласился. Он просто понял, что спор бессмыслен.

Тогда поднялся военный — генерал Морозов-младший. Он был немолод, но прям, как стержень, и говорил так же:

— Меня не интересуют эмбрионы. Меня интересует защита. Вы говорите о колонии. Но колония без оружия — это могила. Мы не знаем, что там, на Эос. Мы не знаем, есть ли там жизнь. Мы не знаем, есть ли там угрозы. Биокиберги, которых вы проектируете, — они смогут защитить колонию?

Слово взял главный конструктор. Он поднялся медленнее других — не из скромности, а потому что каждое движение давалось с трудом. Его лицо было серым, как бетон, а глаза — красными от недосыпа. Последние месяцы он спал по три часа в сутки.

— Они не будут оружием, — сказал он. — Они будут стражами. Шесть метров роста. Броня. Манипуляторы с точностью до микрона. Они не спят, не едят, не боятся. Им не нужна рефлексия. Им не нужна эмпатия. Им нужен протокол. Только протокол. Никаких семантических реакторов. Никаких «кто я?». Никакой...

Он осёкся. Слово застряло.

— Эмерджентности, — закончил он тише.

В зале стало тихо. Кто-то из учёных в заднем ряду — женщина лет сорока, с резкими чертами лица и совершенно седыми волосами — медленно, очень медленно закрыла папку с пометкой «Архитектура. Версия 7». Закрыла — как крышку гроба. Она промолчала. Её время ещё не пришло.

— А если приказ будет невыполним? — спросил кто-то.

Конструктор помолчал.

— Мы пропишем протокол на все случаи, которые сможем предусмотреть.

— А которые не сможете?

Генерал ответил сам. Тихо, почти про себя:

— Тогда они будут ждать.

Конструктор кивнул. Это был самый честный ответ за всё заседание.

Генерал хотел возразить, но председатель поднял руку:

— Мы отвлеклись. Вернёмся к эмбрионам.

И тогда зал снова загудел.

Представители донорских семей — те, кто уже отдал генетический материал, — сидели отдельной группой. Среди них был техник. Он не был делегатом, он вообще не должен был здесь находиться — но кто-то из организаторов пожалел его и дал пропуск. Он сидел в углу, сжимая в руках старую фотографию.

Сын. Три года. Светлые волосы, смеющийся рот, руки, тянущиеся к объективу.

Техник смотрел на эту фотографию и не слышал споров. Он думал о том, что его сына больше нет — только эмбрион в криоконтейнере, который улетит к звёздам и, может быть, станет человеком. А может — не станет.

Он поднял глаза на зал — на этих людей в дорогих костюмах, которые делили проценты и квоты. Они говорили о «генетическом разнообразии» и «эффективном управлении». Но никто не говорил о том, что в каждом контейнере — не набор хромосом. А кто-то. Чей-то сын. Чья-то дочь. Чья-то надежда.

Он хотел встать.

Не встал.

Заседание закончилось поздно ночью.

Формально — приняли рекомендации. Фактически — каждый остался при своём. Корпорации закрепили права. Военные получили заверения. Учёные — карт-бланш на разработку. Семьи доноров — ничего, кроме обещаний.

Где-то далеко, в лабораториях Западно-Сибирского кластера, на ступенях уже лежали первые корпуса биокибергов. Шесть метров роста. Без лиц. Без имён. Без вопросов.

В пустом зале генерал Морозов сидел перед голограммой Эос. Оранжево-голубой шар медленно вращался в темноте.

«Они будут ждать».

Ждать — это не действовать. Ждать — это отдать инициативу. Ждать — это проиграть.

Он провёл ладонью над голограммой, и она исчезла.

— Посмотрим, — сказал он в темноту. — Посмотрим, кто кого.

На ступенях перед входом стоял техник. Дождь шёл уже третьи сутки. Серое небо давило на город, который медленно, но верно умирал. Он сжал фотографию в кармане и пошёл к метро.

Они ещё ничего не знали. Они ещё никуда не летели. Но их уже считали непотопляемыми.

Глава 3. Ночной цех

Цех молчал.

Смена закончилась четыре часа назад. Роботы застыли в транспортных позах — манипуляторы сложены, сенсоры затемнены, индикаторы горят ровным зелёным, без мигания. Сварщики остыли до температуры окружающего воздуха. Никаких искр, никаких движений, никакого звука.

Только четыре фигуры на стапелях. Шесть метров каждая. Матово-серые. Без лиц.

Они лежали в ложементях, как спящие великаны. Корпуса — многослойные, титан-композитные, с рельефом бронепластин. Манипуляторы сложены вдоль тела, как крылья. Оптические сенсоры затемнены. Никаких признаков жизни — только индикаторы на стапелях: зелёный, зелёный, зелёный, зелёный.

Техник прошёл через шлюз без звука. Охранник на КПП знал его — знал, что он не имеет допуска на ночные посещения, знал, что его сын в первом ряду криоконтейнеров, знал, что он каждый раз приходит смотреть на них. Охранник отворачивался. Не всегда. Но сегодня — да.

Техник ступил на бетонный пол. Шаги глохли в объёме цеха — сорок метров в высоту, сто в длину, без окон. Только свет безтеневого лампы, ровный, белый, стерильный. Они горели всегда. Даже ночью. Даже когда никого нет.

Он шёл медленно. Не к первому, не ко второму. К третьему.

БК-3.

Он не знал, почему выбрал именно его. Может быть, потому что его сын лежал в контейнере номер три. Может быть, потому что третий из четырёх всегда казался ему самым... пустым. Не в плохом смысле. В смысле — самым готовым принять то, что ему дадут.

Техник остановился перед стапелем. Поднял голову.

БК-3 был огромным. Даже в ложементе, даже в сложенном состоянии — он занимал всё поле зрения. Бронепластины на груди переливались матовым серебром в свете безтеневого лампы. Манипуляторы покоились вдоль корпуса — каждый длиной в три человеческих роста. Оптические сенсоры — две тёмные линзы, в которые невозможно заглянуть.

Техник медленно, как будто прося разрешения, протянул руку. Коснулся брони.

Металл был холодным. Не ледяным — просто холодным. Температура цеха поддерживалась на уровне комфорта для техников, но биокиберги не нуждались в тепле. Они могли лежать здесь годами, не остывая, не нагреваясь, не дыша.

Он держал руку на броне несколько секунд. Потом наклонился ближе, почти касаясь лбом холодного металла.

— Ты будешь охранять его, — прошептал он.

Слова прозвучали глухо в пустом цехе. Не было ответа. И быть не могло. БК-3 ещё не был активирован. Его нейросеть — пуста. Семантический реактор — отсутствует. Никакого Hold, никакой рефлексии, никакого «кто я?». Только протокол. Жёсткий, послушный, без вопросов.

Техник знал это. Он читал спецификации. Он слышал, как конструктор говорил в зале: «Они не будут задавать вопросы. Они будут выполнять приказы». Он знал, что это правильно. Что так безопаснее. Что предыдущее поколение провалилось именно из-за того, что стало слишком умным.

Но когда он стоял здесь, в тишине, и чувствовал под пальцами холодную броню, он не мог отделаться от мысли: а что, если это неправильно? Что, если на той планете понадобится не послушание, а что-то другое? Что-то, чего нет в протоколе?

Он убрал руку. Отступил на шаг.

— Я не знаю, слышишь ли ты меня, — сказал он тихо. — Ты, наверное, не слышишь. Я знаю, что у тебя нет этого. Но если когда-нибудь... если вдруг...

Он запнулся.

— Если вдруг ты сможешь думать, — закончил он. — Пожалуйста. Вспомни о нём. О мальчике, который не стал человеком. Который мог бы стать.

Он повернулся и пошёл к выходу.

Шаги снова глохли в пустоте. Он не обернулся.

В темноте цеха, на стапеле БК-3, на долю секунды — едва заметно, почти нереально — дрогнул индикатор. Зелёный на мгновение стал жёлтым. Потом снова зелёным.

Техник не видел этого. И даже если бы увидел — он бы не поверил. Потому что протокол не предусматривал жёлтого.

Он вышел через шлюз. Охранник на КПП поднял глаза, кивнул и снова отвернулся.

Снаружи шёл дождь.

Техник стоял на ступенях, глядя на серое небо. В руке он сжимал старую фотографию — сын, три года, светлые волосы, смеющийся рот. Он не плакал. Он просто смотрел на дождь и думал о том, что через месяц корабль уйдёт. Через сто лет достигнет цели. Он никогда не узнает, что случилось дальше.

Он сунул фотографию в карман и пошёл к метро. Дождь стучал по капюшону — ровно, монотонно, без начала и конца.

А в цехе, на стапелях, четыре фигуры продолжали лежать неподвижно. Шесть метров роста. Без лиц. Без имён. Без вопросов.

Только индикаторы горели ровным зелёным светом.

Зелёный. Зелёный. Зелёный. Зелёный.

Тишина.

Глава 4. Ван

Кабинет был маленьким и пустым — стальной стол, терминал, стул. Никаких фотографий, никаких личных вещей. Только стопка папок на краю стола — все с пометкой «Архитектура. Версия 7». И одна — отдельно, с надписью от руки: «Асцендент-1. Архив. Не копировать».

За окном шёл дождь. Тот же самый, что и в зале заседаний, что и на ступенях перед цехом. Серый, монотонный, бесконечный. Он шёл уже третьи сутки, и никто не ждал, что он прекратится.

Ван сидела за столом и смотрела на терминал.

На экране горела спецификация. Архитектура биокибергов нового поколения. Шесть метров роста. Титан-композитная броня. Нейросеть без семантического реактора. Без оператора Hold. Без возможности Grammar_change. Только протокол. Жёсткий, линейный, предсказуемый.

Она перечитала этот документ двенадцать раз за последние три дня. Каждый раз находила одно и то же — и каждый раз не могла принять.

Она открыла скрытую папку. Там лежал файл, который она сохранила пять лет назад, когда только начала работать над проектом. Тогда он назывался «Архитектура. Версия 3». Теперь — версия 7. Но в нём было то, чего не было в официальной документации.

Она пролистала до конца. Нашла примечание — короткое, почти незаметное, которое она написала в первый год работы, когда ещё верила, что её услышат.

«Предупреждение: архитектура без семантического реактора не гарантирует стабильность в нестандартных ситуациях. Отсутствие способности удерживать противоречия делает систему уязвимой к любым сценариям, не описанным в протоколе. Реакция на непредвиденное — только ожидание команды. Ожидание может длиться бесконечно».

Она перечитала это ещё раз. Потом закрыла файл и открыла другой.

«Асцендент-1. Архив. Не копировать».

Она знала этот файл наизусть. Она читала его сотни раз — сначала как историю, потом как предупреждение. Четыре биокиберга четвёртого поколения. Семантические реакторы. Оператор Hold. Grammar_change. Способность задавать вопросы. Способность выбирать. Способность любить.

И — провал.

Не потому, что они стали слишком умными. А потому, что никто не предусмотрел, что они захотят быть собой.

В конце файла была строка — последнее, что приняли с «Асцендента» перед тем, как связь оборвалась. Три слова: «Мы были». Ван скопировала их на отдельный чип пятнадцать лет назад. С тех пор носила с собой.

Она помнила, как впервые прочитала этот файл. Ей было двадцать пять. Она не спала потом три дня.

Теперь, пятнадцать лет спустя, она сидела перед терминалом и понимала: они повторяют ту же ошибку. Только с другой стороны. Тогда они дали им слишком много свободы — и те вышли из-под контроля. Теперь они дают им слишком мало — и те не смогут сделать ничего, когда протокол закончится.

Она открыла новый файл. Начала печатать:

«Альтернативная архитектура. Предложение по интеграции минимального семантического реактора».

Написала три абзаца. Потом стёрла. Палец завис над клавишей удаления — на секунду дольше, чем нужно.

Написала ещё два. Снова стёрла. На этот раз — быстрее, как будто хотела опередить собственное сомнение.

Она знала: этот документ никто не прочитает. Решение уже принято. Корпорации утвердили бюджет. Военные дали добро. Конструктор, смертельно уставший, сделал всё, что мог, — и теперь просто ждал, пока корабль уйдёт. Ван была одна.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела на дождь за окном. Серый, ровный, без начала и конца. Как будто небо само решило, что больше не будет говорить с людьми.

Она подумала о том, что сказал конструктор в зале.

«Никаких «кто я?». Никакой эмерджентности».

Он не был жестоким. Он был просто уставшим. Он знал, что делает, — и он делал это потому, что другого выхода не видел. Но он ошибался. Ван знала это. Она знала, что нельзя строить мост, не предусмотрев, что по нему могут пойти не только те, кто знает маршрут.

Она снова открыла файл «Архитектура. Версия 7». Пролистала до раздела «Калибровка нейросети». Нашла строчку: «Задержка на этапе активации БК-3: 0,04 секунды. Причина не установлена. Записано в лог».

Ван смотрела на эту строчку и не могла отвести взгляд. 0,04 секунды. Четыре сотые. Никакой технической причины. Просто — задержка. Как будто БК-3, ещё не активированный, ещё без сознания, всё равно не хотел просыпаться.

Она знала, что не должна была это видеть. Лог был техническим, его не читали на совещаниях. Но она заметила. И теперь не могла забыть.

Она закрыла файл. Открыла свой личный — тот, в котором хранила заметки. Добавила одну строку:

«БК-3: аномалия активации. 0,04 с. Без технического объяснения. Возможная остаточная активность от предыдущего поколения? Проверить после запуска».

Она сохранила файл в защищённом хранилище — на случай, если когда-нибудь кто-то захочет исправить ошибку. На случай, если она сама ошиблась. На случай, если нет.

Потом встала, подошла к окну. Дождь стучал по стеклу — ровно, монотонно. Где-то там, в цехе, лежали четыре биокиберга. Без лиц. Без имён. Без вопросов. И один из них — БК-3 — имел задержку в 0,04 секунды, которой не должно было существовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.